

споишъ 240 верстъ, а отъ Бѣла озера 120 верстъ. Подъ той градъ рѣка, рѣчениая Вологда, на полночь отъ воспока текущая, бѣжишъ, отъ нея же и градъ самый и область названа. Въ той области людіе путешесствиаи и испинности пушей, ради множайшихъ шопей и запоковъ рѣчныхъ, вѣдаши благо не могутъ, запешило болоты и лѣсы; а еже далѣ глубочаѣ, шамо великия и безпушные пошоки и рѣки съ запоками своими расширяюся. Бяше эта область нѣкогда подъ регименемъ Новаграда великаго.

Жишли того краю хлѣба не знающъ, зѣбрьми и рыбами довольно спиву- ются, куницъ черныхъ и блокъ шамо наипаче.

II.

Пароднос преданіе обѣ Аникѣ— воинѣ.

Преданія о быломъ и преиму- щесшенно о своемъ отечесшвен-

номъ имѣютъ неизъяснимую власть надъ сердцемъ. Воскрешая предъ нами жизнь давно минувшую, они въ шонѣ время наполняють насъ шайнымъ сочуспвіемъ къ превогамъ и радоспіемъ этой жизни. Часно даже веци небывалыя, посгрупированныя въ одну прекрасную каршину, дивно разцвѣченную воображеніемъ народнымъ и поставлennую въ фантастическомъ шуманѣ старины, кажущаяся для насъ, ошаденныхъ потомковъ, явленіями дѣйствицельными; по крайней мѣрѣ сердце наше невольно спавиша ихъ въ рядъ любимыхъ предметовъ своихъ вѣрова- ній и мечтаній. Къ такимъ повѣ- рьямъ, изъ которыхъ очень многія неразрывно скрѣплены съ предмѣтами и дѣлами дѣйствицельно нѣкогда существовавшими, описаны и наше иѣстное преданіе обѣ Аникѣ воинѣ.

Верстахъ въ 10 отъ Вологды, по шарѣй Бѣлозерской дорогѣ, есль небольшой лѣсокъ, называе- мый Аникѣскимъ лѣсомъ. Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дороги, всегда лежитъ куча сухихъ пру- пьевъ. Каждый прохожій селя- никъ непремѣнно бросаетъ на нее

свой прушокъ, приговаривая, А-
ничка, Аничка! на шебѣ вичьку.,
Весной паспухи сожигаютъ эту
кучу, и въ продолженіи лѣта она
опять набрасывается прохожими.
Вотъ чѣо говоряшъ обѣ этому
сшарожилы:

Давнымъ давно былъ на этомъ
мѣстѣ густый непроходимый лѣсъ.
Въ самой глухи его, на небольшой
полянѣ, стояла избушка на курьихъ
ножкахъ, безъ оконъ безъ дверей.
Зашелъ въ неё всего было довольно: и
золота и жемчуга и каменьевъ само-
цвѣтныхъ, словно въ царскихъ па-
латахъ. Въ этой же избушкѣ
жилъ Аникѣ, злой разбойникъ.
Каждый день выходилъ онъ на до-
рогу грабить прохожихъ и проѣз-
жихъ; даже показывался иногда въ
сосѣдственныхъ деревняхъ, и ни-
кто не смѣлъ прошипѣться ему,
не только сдѣлать чѣо нибудь
худое. Долго жилъ такими обра-
зомъ Аника; много нажилъ онъ
всякаго богатства. Вотъ однажды
вышелъ Аника на дорогу, спрятал-
ся за деревьями и ждѣть прохо-
жихъ. Вдругъ видишъ идешь: спа-
ричекъ съ кошомкой за плечами ,
Здравствуй дѣдуника! — сказалъ
Аникѣ, выходя на встречу,
прохожему, спаричку изъ дале-

ка-ли шы! — здравствуй добрый че-
ловѣкъ! ошвѣчаль спаричокъ, хо-
диль я въ Киевъ на поклоненіе
святымъ угодникамъ; а теперь иду
къ Соловецкимъ чудотворцамъ.,—
А чѣо, я думаю шебѣ не легко
шаскашься съ шакой ношей: вы,
богомольцы, всегда пришпоряешьесь
нищими, а сами собираеше милос-
твию съ цѣлаго свѣта,“ продолжалъ Аника.— На чѣо мнѣ ли-
шнее? Былъ бы хлѣбъ насущный; а
добрые люди не оставятъ. Съ ли-
шнимъ лишняя забота.— „А я
шакъ на вѣриос знаю, чѣо у шебя
въ кошомкѣ много лишнаго. Съ
шакой ношей вѣдь не дойдешь до
Соловецкаго. Сними — ка: я по-
смотрю, чѣо въ ней есть?“ Нечего было дѣлать; спарикъ снялъ
кошомку и слезио молиъ Анику
не прогань по крайней мѣрѣ то-
го, чѣо дано ему было опъ мо-
щѣй святыхъ угодниковъ. Аника
развязалъ кошомку и видя, чѣо
въ ней нѣшъ ничего, кроме лос-
кушечковъ, узелковъ и шому по-
добныхъ вещей, съ досадою бро-
силъ ее въ грязь и началъ топ-
шашь ногами. Спаричокъ горько
заплакалъ,“ Бегъ накажешъ шебя
за чѣо, сказалъ онъ, чѣо шы оби-
дѣль бѣднаго спарика, скоро уда-

ришь часъ швой!“... Аника за-
скрежешаль ошъ яросши зубами
и взмахнулъ ножемъ на спарика....
Но.... спарика уже не было!
Ножъ выпалъ изъ руки злодѣя;
въ ужасѣ бросился онъ въ лѣсъ
къ своей избушкѣ; но и избушки
какъ не бывало. Только конь его
ходилъ по полянѣ и пощипывалъ
правку. Аника бросился на коня
и снова выѣхалъ на дорогу. Въ
спаринной пѣсиѣ, сохранившей-
ся и о тинѣ вошь какъ говориш-
ся обѣ эпомъ:

„Ѣдеть Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ Ѣдеть
чудо.

Голова у чуда человѣческа,
Власы у чуда до пояса,
Тулово у чуда звѣриное,
А ноги у чуда лошадиные.
Аника на конѣ остановился
И эпому чуду дивился.

— Скажи шы мнѣ, чудо, по-
вѣдай,

Царь ли шы, ли царевичъ,
Король ли шы, королевичъ,

Или шы сильный, могучій
богашыръ?
Чудо ему отвѣчаешьъ:
— Я не царь, не царевичъ,
Не король, не королевичъ,
И не сильный могучій бога-
шыръ,
А я смершь страшна и гро-
зна,
Вельми непомѣрна,
Сердцемъ своимъ не посуль-
на.

Кто сошворилъ пебо и зе-
млю,
Кто сошворилъ облака и звѣ-
зы,
Топъ меня сошворилъ,
По всей землѣ попусшиль.
Гдѣ кого заспану, искощаю:
Въ пупи, въ дорогѣ заспану,
искощаю;
Въ избѣ на подворѣ заспану,
искощаю.
Хочу и тебя, Аника иско-
сиши!

Возговориши храбрый чело-
вѣкъ Аника;

— Я палицу подыму, палицей
пришибу;

Либо коня попущу, конемъ
попончу,

По главѣ по швоей.

Она ему отвѣчашъ:

— Быль на землѣ Самсонъ
богатырь,

Быль на землѣ Свѣтогоръ
богатырь,

Я и ихъ искосила.

Хочу и шебя, Аника иско-
сипи.

Возговориши храбрый чело-
вѣкъ Аника;

— О смерть спрашна и гро-
зна!

Дай шы миѣ сроку на два
года;

Сострою я шебѣ церковь,

Спишу твой ликъ на иконѣ,

Поспавлю твой ликъ на пре-
сполѣ;

И будущъ къ намъ съѣжать-
ся

Князья и Бояре и сильны
могучіе богатыри

И сшанушъ намъ свозиши
казну золотую

Она ему отвѣчашъ:

— Кабы де брашь миѣ казн
золотую

Были бы у меня горы золо-
ты

Отъ воспока и до запада.

Вынимашъ пилы невидимыя

Поширеши его по рукамъ

по ребрамъ

Возговориши храбрый чело-
вѣкъ Аника

— О смерть спрашна
грозна!

Дай шы миѣ сроку на один
год

Есть у меня казна золотая

Раздамъ я ее по шпорьмамъ
и по богадѣльнямъ

Она ему отвѣчашъ:

— Казна твоя кровавая,
Душѣ твоей не помога.

Вынимашъ пилы невидимыя

Пошираешь его по костямъ
и по жиламъ.

Возговоришь храбрый чело-
вѣкъ Аника;

— О смерть спрашна и гро-
зна!

Дай шы мнѣ сроку на пол-
года

Ешь у меня отецъ и матерь,

Дай шы мнѣ съ отцемъ, съ
машерью просшишься.

Она ему отвѣчашь:

— Какъ же шы Ѹхалъ на раб-
ное дѣло?

За чѣмъ съ отцемъ, съ ма-
шерью непросшился?

Вынимашь пилы невидимыя,
Пошираешь его по костямъ

и по жиламъ.

Аника на конѣ шатаешся,
И смертныя успа запекают-
ся;

Аника съ коня повалился.

Тушь по Аникѣ и слава.

|||||

III.

О прѣѣхавшихъ и выѣхавшихъ въ
19-го по 25-е Августа 1841.

Прїѣхали:

Изъ Москвы, Московскаго Уни-
верситета Профессоръ Погодинъ.

Изъ Топъмы, купецкій сынъ
Кокоревъ.

Изъ Топъмы, Шенкурскій ку-
пецкій сынъ Новосельцовъ.

Изъ своей усадьбы Вологодскій
помѣщикъ Бабарыкинъ.

Изъ своей усадьбы, Вологодскій
Губернскій Предводитель Дворян-
ства Брянчаниновъ.

Изъ С.-Петербургъ проѣздомъ
въ Кострому, Коллежскій Совѣт-
никъ Швыжковскій.

Съ Нижегородской ярмарки.
Коммерціи Совѣтникъ Афанасій
Вишушениковъ.

Выѣхали:

Въ Архангельскъ, Вологодскіе
3-й гильдіи купцы: Иванъ Гризинъ
и Федоръ Сперлядкинъ.

Въ Новозерскій монастырь, Вол-
огодскій купецъ Гурылевъ.

Въ свою усадьбу Дѣйсвищель-